

Говард Филлипс Лавкрафт

Гарри Гудини

Заточённый с фараонами

(Imprisoned with the Pharaohs)

I

Тайна тайну призывает. С тех пор как имя мое стало широко известно в качестве исполнителя необъяснимых свершений, мне пришлось сталкиваться со странными повествованиями и событиями, которые мое призвание заставило людей связывать с моими интересами и деятельностью. Некоторые из них оказывались тривиальными и незначительными, другие глубоко драматическими и увлекательными, третьи оставляли по себе странные и опасные переживания, а четвертые заставляли погружаться в широкие научные и исторические исследования. О многих из этих фактов я рассказывал и буду рассказывать очень свободно; однако среди них существует один, о котором я упоминаю с великими колебаниями и берусь теперь излагать лишь после самых настоятельных уговоров со стороны издателей этого журнала, слыхавших смутные слухи о нем от некоторых членов моего семейства.

Этот доселе сохранявшийся в тайне вопрос имеет отношение к моему несвязанному с профессиональными интересами пребыванию в Египте четырнадцать лет назад, упоминать о котором я избегал по нескольким причинам. В частности, я не расположен использовать кое-какие, несомненно реальные, факты и условия, явным образом неизвестные мириадам туристов, кишящих вокруг пирамид, и преднамеренно засекреченные каирскими властями, которые просто не могут не знать о них. Кроме того, мне не хочется вспоминать инцидент, в котором столь великую роль сыграла моя разыгравшаяся фантазия. То, что я видел – или мне, во всяком случае, казалось, что видел, – бесспорно, не имело места в реальности; и впечатления эти следует считать результатом моих тогдашних занятий египтологией и размышлений на эту тему, которые естественным образом провоцировало мое окружение. Эти воображаемые стимулы, преувеличенные волнением действительного, само по себе ужасного события, вне сомнения, способствовали великому ужасу той давней теперь ночи.

В январе 1910 года я завершил персональный ангажемент в Англии и подписал контракт на гастроль по театрам Австралии. Поскольку на поездку было отпущено достаточно времени, я решил совершить ее наиболее интересным для себя способом; и потому в обществе жены приятным образом пересек континент и в Марселе поднялся на борт парохода «Мальва» компании P & O, направлявшегося в Порт-Саид. Оттуда я намеревался посетить основные исторические местности нижнего Египта, прежде чем наконец отправиться в Австралию.

Путешествие происходило вполне удовлетворительным образом, и его оживляли многочисленные забавные случайности, выпадающие на долю иллюзиониста в свободное от работы время. Я намеревался спокойствия ради хранить свое имя в тайне; однако был вынужден явить себя благодаря стараниям собрата-фокусника, чье стремление изумить пассажиров обыкновенными трюками заставило меня повторить и превзойти его достижения в манере, губительной для моего инкогнито. Я упоминаю об этом благодаря итоговому эффекту – который мне следовало предвидеть, прежде чем объявлять себя перед кораблем, полным туристов, намеревающихся вот-вот разъехаться по всей Нильской долине. Вследствие этого о персоне моей становилось известно повсюду, где бы мы впоследствии ни оказывались, что лишило нас тихой неизвестности, которой мы искали. Путешествуя в поисках достопримечательностей, я сам нередко превращался в некий курьез!

Мы прибыли в Египет в поисках живописных и впечатляющих мистикой мест, однако, когда корабль прибыл в Порт-Саид и выгрузил пассажиров на берег на небольших лодках, не обнаружили практически ничего. Невысокие песчаные дюны, бакены, раскачивающиеся на мелкой воде, и сонный европейский городок, лишенный каких-либо достопримечательностей, если не считать большого памятника де Лессепсу, заставили нас немедленно заняться поисками чего-либо более достойного нашего внимания. После некоторого обсуждения мы решили немедленно отправиться в Каир, к пирамидам, а потом вернуться в Александрию для посадки на австралийский корабль, – и ради всех греко-римских достопримечательностей, которыми может похвастаться древняя метрополия.

Железнодорожное путешествие оказалось достаточно сносным и заняло всего четыре с половиной часа. Мы увидели большую часть Суэцкого канала, вдоль которого доехали до самой Исмаилии, а потом вкусили от египетской древности, увидев восстановленный пресноводный канал Среднего царства. Затем перед нами возникли огоньки Каира, мерцавшие в наступавших сумерках; россыпь звездочек превратилась в ослепительное сияние, когда мы остановились на большом *Gare Centrale* – Центральном вокзале.

Однако здесь нас немедленно ожидало новое разочарование, ибо вокруг оказалось типично европейское зрелище, если не считать облика толпы и ее нарядов. Прозаичная подземка привезла нас на площадь, кишашую экипажами, такси, трамваями и блистающую великолепием электрических огней на высоких домах; в то время как сам театр, куда меня тщетно зазывали представлять и который я впоследствии посетил в качестве зрителя, был недавно переименован в «Америкен Космограф». Мы остановились в отеле «Шепардс», добравшись до него в такси, промчавшемся по широким, опрятно обстроенным улицам; и посреди идеального обслуживания в ресторане, лифтов и прочих англо-американских роскошеств таинственный Восток и незапамятная древность откатились в невесть какую даль.

Впрочем, следующий день восхитительным образом перенес нас в самое сердце атмосферы 1001 ночи; и Багдад Гарун-аль-Рашида заново ожил в кривых улочках и экзотических контурах Каира. Следуя указаниям нашего Бедекера, мы направились на восток мимо садов Езбекия прямо по Муски в поисках старого города и скоро оказались в

руках шумного чичероне, который – невзирая на последующий поворот событий – безусловно был мастером своего дела.

Только потом я сообразил, что мне следовало бы запросить в отеле имеющего соответствующую лицензию гида. Этот человек, бритый, обладающий каким-то особо гулким голосом и относительно чистый, был похож на фараона и называл себя именем «Абдул Реис-эль-Дрогман», кроме того, он как будто бы обладал некоей властью над прочими представителями своего ремесла; хотя впоследствии полиция объявила, что такового не знает, и намекнула на то, что слово «реис» попросту означает начальника, а «дрогман» представляет собой неуклюжее искажение должности руководителя туристической группы – драгомана.

Абдул провел нас по таким чудесным местам, о которых мы прежде только читали и мечтали. Старый Каир сам по себе книга историй и грез, со своим сонным лабиринтом узких улочек, благоухающих тайной, узорчатыми открытыми и закрытыми балконами, едва не сходящимися над мостовыми, водоворотом восточного уличного движения с его странными криками, щелканьем кнутов, грохотом повозок и ослиными воплями, калейдоскопом пестрых одеяний, вуалей, тюрбанов и фесок; водоносами и дервишами, собаками и кошками, предсказателями и брадобреями; и поверх всего гама – стенаниями слепых нищих, скрючившихся в нишах, и звучным напевом муэдзинов, доносящимся с минаретов, изящно вырисовывающихся на фоне неизменно синего неба.

Не менее привлекательными казались и крытые, более спокойные базары. Пряности, духи, бусины благовоний, коврики, шелка и медь – старый Махмуд Сулейман сидит, скрестив ноги посреди своих липких бутылок, в то время как болтливые юнцы растирают горчицу в выдолбленной капители древней классической коринфской колонны римского времени, быть может, привезенной из соседнего Гелиополя, в котором Август разместил один из трех своих египетских легионов. К древности начала примешиваться экзотика. А затем были мечети и музей – мы побывали повсюду и постарались не позволить нашему арабскому пиршеству покориться мрачному очарованию Египта времен фараонов, которое источали бесчисленные сокровища музея. Этому мгновению предстояло сделаться вершиной нашей экскурсии, и потому мы сконцентрировали свое внимание на сарацинском великолепии халифов, чьи поразительные мечети-гробницы образуют блестящий и сказочный некрополь на краю арабской пустыни.

Наконец Абдул повез нас по Шариа Мохаммед-Али к древней мечети Султана Хасана и обрамленной башнями Бабель-Азаб, позади которой между крутых стен проход поднимается к могучей крепости, воздвигнутой самим Саладином из камней забытых пирамид. Мы осилили этот подъем уже на закате и, обогнув современную мечеть Мохаммеда-Али, получили возможность воззреть с отвесного парапета на таинственный Каир – Каир мистический с его резными куполами, неземными минаретами и полыхающими садами.

Вдали над городом возвышался громадный романский купол нового музея; а за ним – за полным загадок и тайн Нилом, отцом веков и династий, – прятались грозные пески Ливийской пустыни со своими неподвижными волнами, радужным блеском и злобой еще более древних арканов.

Багровое солнце опускалось все ниже, принося вместе с вечером непременно прохладу египетских сумерек; на мгновение остановившись на ободке мира подобно древнему богу Гелиополя – Ра-Хораhti, Солнцу, стоящему на горизонте, – оно обрисовало на фоне своего медного кипения черные контуры пирамид Гизе – палеогеновых гробниц, тысячелетних уже в те времена, когда Тутанхамон восходил на свой позолоченный трон в далеких Фивах. Тут мы поняли, что знакомство с Каиром сарацин для нас завершилось и пришла пора вкусить от глубоких тайн Египта первобытного – черной Кем Ра и Амона, Изиды и Осириса.

На следующее утро мы посетили пирамиды, проехав в виктории по острову Хизерех среди массивных деревьев-леббакх и по узкому английскому мосту перебравшись на западный берег. Мы ехали по прибрежной дороге между рядами высоких леббакхов мимо просторного Зоологического сада к пригороду Гизе, там, где с тех пор построен новый мост в Каир. Затем, повернув от реки по Шариа-эль-Харам, мы пересекли несколько заполненных как бы остекленевшей водой каналов и неопрятных туземных деревенок, и вот наконец перед нами воздвиглась цель нашего путешествия, прорезавшая утренний туман и отбрасывавшая обращенные к нам вершинами отражения в придорожных лужах. Сорок веков, как говорил Наполеон своим солдатам, и в самом деле смотрели на нас. Дорога резко пошла в гору, и мы наконец добрались до места пересадки между трамвайной станцией и отелем Мена-хаус. Абдул Реис, толковым образом приобретший нам билеты на проход в пирамиду, похоже, находился в полном согласии с толпой вопящих и обидчивых бедуинов, населявших находившуюся чуть поодаль жалкую сырцовую деревеньку и словно саранча облепивших каждого путешественника: он непринужденно удержал их в стороне от нас и раздобыл для нас пару великолепных верблюдов, усевшись при этом на осла и доверив предводительство нашими животными группе мужчин и мальчишек, скорее являвшихся напрасным расходом, чем полезным нам. Преодолеть следовало ничтожное расстояние, однако мы не стали сожалеть о приобретенном опыте передвижения по пустыне.

Пирамиды располагаются на высоком скальном плато, и эта группа их примыкает к самому северному из ряда царских и аристократических кладбищ, сооруженных в окрестностях былой столицы, города Мемфис, находившегося на том же самом берегу Нила несколько южнее Гизе и процветавшего между 3400 и 2000 годами до Р.Х. Самая большая из пирамид, находящаяся ближе всего к современной дороге, была построена царем Хеопсом или Хуфу около 2800 года до Р. Х; высота ее превышает 450 футов. Вдоль одной, направленной на юго-запад линии от нее последовательно выстроились Вторая пирамида, построенная в следующем поколении царем Хефреном, и несколько уступающая Первой по величине, но кажущаяся более высокой благодаря своему расположению на более высоком месте, и существенно меньшая Третья пирамида царя Микерина, построенная около 2700 года до Р.Х. Возле края плато точно на восток от Второй пирамиды находится чудовищный Сфинкс – немой, сардоничный и мудрый превыше всякой доступной человечеству и его памяти мудрости – колоссальный лик которого, вероятно, был изменен в подобие портрета своего царственного реставратора Хефрена.

Малые пирамиды и следы разрушенных малых пирамид обнаруживаются здесь в нескольких местах, и все плато буквально усеяно могилами людей знатных, но не имевших царственного ранга. О последнем первоначально свидетельствовали мастабы – каменные, похожие на скамейки сооружения, воздвигнутые над глубокими погребальными шахтами, подобные тем, что присутствуют на других мемфисских кладбищах, и примером им может служить гробница Пернеба, находящаяся в нью-йоркском музее Метрополитен. В Гизе, однако, все подобные видимые детали давно были снесены временем и мародерством; и только высеченные в скале шахты, либо заполненные песком, либо расчищенные археологами, свидетельствуют об их былом существовании.

С каждой из подобных гробниц соединялся небольшой храм, в котором священники и родственники потчевали пищей и молитвой парящий здесь *ка* – жизненный принцип покойного. В небольших гробницах заупокойные храмы находились прямо в каменных мастабах или надстройках, но посмертные святилища пирамид, в которых лежали царственные фараоны, представляли собой отдельные храмы, каждый из которых находился с востока от соответствующей пирамиды и был соединен мощеной дорогой с массивными пропилями или привратным храмом у края каменного плато.

Привратный храм, ведущий ко Второй пирамиде, почти погребенный в сыпучих песках, зияет из-под земли к юго-востоку от Сфинкса. Существующая традиция настойчиво величает это сооружение «Храмом Сфинкса»; и его действительно можно было бы назвать таковым, если Сфинкс и в самом деле имеет отношение к строителю Второй пирамиды Хефрену. Существуют не очень приятные повествования о Сфинксе в предшествующие Хефрену времена, но каковыми бы ни были его прежние черты, монарх заменил их собственными, чтобы его люди могли взирать на колосса без страха.

Именно в огромном привратном храме была обнаружена диоритовая статуя Хефрена в полный рост, находящаяся теперь в Каирском музее; впервые узрев ее, я застыл перед нею в трепете. Не знаю, раскопано ли к настоящему времени все сооружение, но в 1910 году большая часть его еще была укрыта землей, а на ночь вход надежно запирался. Работой ведали немцы, и, возможно, их остановила война или нечто другое. С учетом пережитого мной, а также ходящих среди бедуинов слухов, не встречающих доверия или неизвестных в Каире, мне хотелось бы узнать, что было обнаружено в связи с неким колодцем в поперечной галерее, где были найдены статуи фараонов, любопытным образом противопоставленные изваяниям павианов.

Дорога, по которой несли нас верблюды, резко огибала расположенные слева деревянное здание полицейского участка, почту, аптеку и уходила на юг и восток полным поворотом, обращая нас лицом к пустыне с подветренной стороны Великой Пирамиды. Мимо циклопической кладки ехали мы, огибая восточный фас над долиной малых пирамид, за которой на востоке поблескивал вечный Нил, а на западе жаром мерцала столь же вечная пустыня. Над нами возвышались три великие пирамиды, самая крупная из которых давно была лишена внешней облицовки и являла ряды огромных камней кладки, однако на остальных участки ее облицовка кое-где сохранилась, напоминая о том законченном виде, который она имела в свой день.

Наконец мы спустились к Сфинксу и сели в безмолвии под жутким взглядом его незрячих глаз. На громадной каменной груди мы едва различили эмблему Ра-Хорахти, за изображение которого Сфинкса ошибочно принимали в позднее династическое время; и хотя песок засыпал плиту, находящуюся между огромными лапами, мы вспомнили, что начертал на ней Тутмос IV, и о сне, который он видел еще до восшествия на престол. Именно в этот момент улыбка Сфинкса начала смутно раздражать нас, напоминая про легенды о подземных переходах под чудовищным изваянием, уводящих вниз, вниз, вниз, в глубины непостижимые, намекающие на тайны куда более древние, чем раскопанный нами династический Египет, связанные с доселе влачащимся бытием необычайных обладателей звериных голов – богов древнего египетского пантеона. Тут я и задал себе праздный вопрос, точному значению которого предстояло проявиться лишь по прошествии многих часов.

Нас уже догоняли другие туристы, и потому нам пришлось перейти к находившемуся в пяти десятках ярдов к юго-востоку от нас засыпанному песком храму Сфинкса, который я выше назвал великими воротами дороги к погребальному храму Второй пирамиды. Бульшая часть его по-прежнему находилась под землей, и хотя мы спешили и спустились по современному ходу в ее алебастровый коридор и многостолпный зал, я почувствовал, что Абдул и местный немец-служитель не показали нам всего, что можно было увидеть.

После этого мы, как положено, совершили обход плато, осмотрев Вторую пирамиду и расположенные к востоку замечательные руины ее погребального храма, Третью пирамиду вместе с ее миниатюрными спутниками, разрушенный восточный храм, щербатые сооружения Четвертой и Пятой династий и знаменитую гробницу Кэмпбелла, чья темная шахта опускается отвесно на пятьдесят три фута к зловещему саркофагу, который один из наших верблюжьих погонщиков очистил от лишнего песка, ловко спустившись к нему по веревке.

Теперь до нашего слуха донеслись вопли от Великой Пирамиды, где бедуины осаждали группу туристов предложениями ускорить индивидуальный подъем и спуск обратно. Говорят, что подобное мероприятие можно проделать за семь минут, однако многочисленные алчные шейхи и сыновья шейхов уверяли нас в том, что они могут урезать это время до пяти минут, если поспособствовать для этой цели щедрым бакшишем. Стимула этого они не получили, но Абдул повел нас наверх, таким образом открывая перед нами полный беспрецедентного великолепия вид, одаривший нас не только зрелищем далекого сверкающего Каира с венчающей его цитаделью на фоне золотисто-фиолетовых холмов, но и на все пирамиды мемфисского района, от Абу Роаш на севере до Дашура на юге. Очертания ступенчатой пирамиды Саккары, отмечающей собой этап эволюции невысокой мастабы к подлинной пирамиде, заманчиво маячили в песчаной дали. Знаменитая гробница Пернеба была обнаружена ближе к этому этапному сооружению – более чем в четырех сотнях миль к северу от фиванской скалистой долины, в которой почивает Тутанхамон. И вновь благоговейный трепет заставил меня замолчать. Перспектива подобной древности и тайны, которыми был полон каждый задумчивый монумент, наполнили меня почтением и таким ощущением величия, как ничто другое.

Утомленные подъемом и назойливыми бедуинами, поступки которых во всем противоречили правилам хорошего тона, мы отказались от тяжелого и многотрудного дела посещения внутренностей пирамид, хотя успели заметить нескольких среди самых закаленных туристов, готовящихся к удушливому путешествию по недрам великого мемориала Хеопса. Переплатив нашему местному телохранителю и отпустив его, мы возвращались в Каир под вечерним солнцем в обществе Абдула Реиса, уже едва не сожалея о своем отказе – такие удивительные слухи ходили о коридорах под пирамидами, не обозначенных в путеводителях, – ходах, спешно заложенных и сокрытых неразговорчивыми археологами, обнаружившими и эксплуатировавшими их.

Конечно, по правде говоря, шепотки эти были во многом безосновательными; однако любопытство вызывал уже тот факт, что туристам настойчиво запрещалось посещать пирамиды по ночам, а также спускаться в нижние ходы и крипту Великой Пирамиды. В последнем случае власти, быть может, опасались психологического эффекта – когда человек мог почувствовать себя раздавленным целым миром твердого камня, оставаясь соединенным с известным ему миром узким ходом, по которому можно только ползти и который легко может перекрыть несчастный случай или злой умысел.

Вопрос этот показался нам настолько интересным, что мы решили нанести еще один визит к пирамидам при первой же возможности. И возможность эта посетила меня много раньше, чем я ожидал.

В тот вечер члены нашей группы ощутили утомление после напряженной дневной программы, а я в компании Абдула Реиса отправился на прогулку по живописному арабскому кварталу. Хотя я успел повидать его днем, мне было интересно познакомиться с переулками и базарами в сумерках, когда густые тени и сочные проблески света добавляют очарования фантастической иллюзии. Туземная толпа редела, однако по-прежнему оставалась очень шумной и многочисленной, когда мы наткнулись на кучку веселящихся бедуинов, расположившихся на Сукен-Наххасин, или базаре медников. Явный глава этой группы, высокомерный юноша с тяжелыми чертами лица и в дерзко сдвинутой феске, обратив на нас некоторое внимание, без особой приязни узнал моего компетентного, но явно надменного и склонного к насмешке проводника.

Быть может, подумал я, ему не понравилась странная копия почиющей на лице Сфинкса полуулыбки, которую я частенько отмечал с удивлением и некоторым раздражением; или же ему не понравились отголоски гулко-го и замогильного голоса Абдула. Во всяком случае, оскорбительный обмен словами быстро обрел ярость; и как только Али-Зиз, так мой проводник называл незнакомца в промежутке между оскорбительными эпитетами, яростно вцепился в одеяние Абдула, тот немедленно последовал данному примеру, и в результате начавшейся стычки оба соперника потеряли свои освященные обычаем головные уборы и, наверно, перешли бы к еще более жесткому противостоянию, если бы я не вмешался и не разделил их с помощью силы.

Мое вмешательство, поначалу воспринятое как нежелательное обеими сторонами, тем не менее привело к заключению перемирия. Оба угрюмых воителя сдержали свой гнев, поправили одеяния и с выражением достоинства столь же глубокого, сколь и внезапного,

заклучили любопытный и наполненный фигурами высокой дипломатии пакт, который, как я скоро узнал, уходит своими корнями в весьма древние времена и требует улаживания разногласий ночным кулачным поединком на вершине Великой Пирамиды после того, как окрестности ее покинет последний любитель лунного света. Каждый дуэлянт имел право привести с собой отряд секундантов, и самым цивилизованным образом предусматривавшее несколько раундов действие должно было начаться в полночь. Во всем предстоящем событии было нечто, весьма заинтересовавшее меня. Уникальный характер предстоящей драки сулил зрелищность; в то же время мысль, что все это будет происходить под бледной убывающей луной на седой глыбе, возвышающейся над допотопным плато Гизе, будила в моей душе все фибры воображения. Высказанная мной просьба позволила установить, что Абдул просто мечтал включить меня в свой отряд секундантов; так что все начало вечера я сопровождал его по различным притонам в самой незаконной части города – по большей части к северо-востоку Езбекие, – где он собрал по одному внушительную шайку избранных и родственников ему головорезов, готовых послужить фоном для кулачного поединка.

Сразу же после девяти наш отряд, водрузившись на ослов с такими царственными или значимыми для туристов именами, как *Рамзес*, *Марк Твен*, *Джи-Пи Морган* и *Миннегага*, протиснулся по узким уличным лабиринтам как восточного, так и западного образца, пересек мутный Нил, над которым поднимался лес мачт, и философической рысью между рядами леббакхов потрусил по дороге к Гизе. На путешествие ушло чуть более двух часов, и, завершая его, мы наткнулись на последнюю группу возвращавшихся от пирамид туристов, отсалютовали последнему трамваю и остались наедине с ночью, прошлым и призрачной луной.

Тут наконец в конце дороги показались гигантские пирамиды, призрачные, чреватые некоей неявной атавистической угрозой, которой в дневное время я не заметил. Даже в самой малой из них угадывался намек на нечто жуткое – ибо разве не в ней заживо похоронили царицу Нитокрис во времена Шестой династии... хитроумную царицу Нитокрис, пригласившую однажды всех своих врагов на пиршество в подземный, расположенный под Нилом храм и утопившую их, открыв водяные затворы? Я вспомнил, что арабы разное рассказывали о Нитокрис, и при некоторых фазах луны избегали посещать Третью пирамиду. Должно быть, о ней размышлял Томас Мур, записавший предание мемфисских лодочников: «Подземная нимфа, чей дом в славе и злате сокрыт, не ведающая солнца госпожа Пирамид!»

При всем том, что мы не медлили, Али-Зиз и его спутники опередили нас; и мы увидели очертания их ослов на фоне пустынного плато у Кафрель-Харам, нищего, соседствующего со Сфинксом арабского поселения, к которому мы отклонились вместо традиционного маршрута, следующего к дому Мины, около которого сонные и бездеятельные полицейские могли бы заметить и остановить нас. Здесь, пока грязные бедуины размещали своих верблюдов и ослов в каменных гробницах придворных Хефрена, нас повели вверх по скалам и по песку к Великой Пирамиде, на истертых временем сторонах которой уже копошились арабы, и Абдул Реис предложил мне помощь, в которой я не нуждался.

Как известно большинству путешественников, подлинную вершину этого сооружения давно уже съело время, оставив относительно плоскую платформу в виде квадрата со стороною двенадцать ярдов. На этой жуткой площадке образовался кружок, и через несколько мгновений ехидная пустынная луна с усмешкой уставилась на баталию, которая, если не считать качества воплей «секундантов», вполне могла бы происходить в одном из мелких американских атлетических кружков. И наблюдая за ней, я ощутил, что в происходящем присутствуют и некоторые из наших наименее желанных институций; ибо каждый удар, выпад и защита казались ошеломляющими для моего неопытного взгляда. Поединок завершился с достаточной быстротой, и, невзирая на известную неприязнь к методам, я ощутил некую гордость собственника, когда Абдула Реиса провозгласили победителем.

Примирение оказалось феноменально быстрым, и посреди пения, братания и общей выпивки мне было трудно даже вспомнить о том, что все началось с ссоры. Как ни странно, я в большей степени ощущал себя центром внимания, чем бывшие бойцы; и если доверять моему знанию арабского, они обсуждали мои профессиональные выступления и умение избавляться от всякого рода оков и выбираться из тесных помещений в манере, не только обнаруживавшей удивительное знание моих достижений, но и заметную враждебность и сомнение в моих талантах. И мне постепенно стало понятно, что древняя магия Египта исчезла не без следа и что обрывки неведомых и тайных познаний и жреческих культовых практик таинственным образом сохранились в среде феллахов в такой степени, которая позволяла им сомневаться в способностях странного волшебника-хахви и оспаривать их. И я припомнил, что мой гулкоголосый Абдул Реис похож на древнеегипетского жреца, а может быть, на фараона или улыбающегося Сфинкса... и крепко задумался.

И тут произошло нечто такое, что в мановение ока доказало правильность моих подозрений и заставило обругать себя за тупость, с которой я позволил себе воспринимать события этой ночи не как злоумышленный спектакль, которым они на деле являлись. Без всякого предупреждения и, вне сомнения, по тайному знаку, данному Абдулом, вся банда бедуинов набросилась на меня; после чего, достав из-под одеяний крепкие веревки, они связали меня настолько надежно и прочно, как мне никогда не случалось быть связанным во всей своей жизни – как на сцене, так и вне ее.

Сперва я сопротивлялся, однако скоро понял, что один человек не в состоянии противостать банде более чем из двадцати жилистых варваров. Руки мои оказались связанными за спиной, колени прижали к груди, а запястья и лодыжки скрутили неподатливыми веревками. В рот мой втиснули удушающий кляп, а на глазах затянули плотную повязку. После этого арабы взвалили меня на плечи и начали неловкий спуск с пирамиды, и я услышал полные ехидства слова моего так называемого проводника Абдула, с насмешкой и явным довольством в голосе уверявшего меня в том, что мои «магические» способности скоро будут подвергнуты высшему испытанию, которое собьет с меня всю спесь, накопившуюся за время триумфальных выступлений в Европе и в Америке.

Египет, напомнил он мне, очень стар и полон глубинных мистерий и древних сил, непостижимых даже для знатоков века сего, чьи ухищрения так и не смогли уловить меня.

В каком направлении и долго ли меня несли, сказать не могу, ибо мое положение никак не способствовало формированию сколь-нибудь точного суждения. Понятно мне только то, что далеко унести меня не могли, поскольку несшие меня люди ни разу не ускорили шаг, и все же держали меня на руках совсем недолго. И эта возмутительная краткость смущает меня более всего, когда я думаю о Гизе и этом плато – ибо мороз пробирает по коже при мысли о том, насколько близко находится то, что могло существовать и поныне существует, от повседневных туристических маршрутов...

Чудовищная аномалия, о которой я говорю, проявила себя не сразу.

Опустив меня на поверхность, в которой я признал скорее песок, чем камень, похитители обхватили мою грудь веревкой и проволокли несколько футов до неровного отверстия в земле, в которое меня и спустили без особого почтения к моей персоне. Целую вечность бока мои ударялись о неровные камни узкого колодца, который я принял за одну из многочисленных погребальных шахт плато, пока наконец невероятная, почти невозможная глубина его не лишила меня любых оснований для сравнения.

Ужас происходящего с каждой секундой приобретал новую силу. Представление о том, что спуск в недра прочной скалы может длиться очень долго, но так и не достичь центра самой планеты Земля или что сделанная человеком веревка может казаться настолько длинной, чтобы опустить меня в нечестивые и бездонные недра нечистой земли, казалось настолько гротесковым, что легче было усомниться в свидетельствах моих возбужденных чувств, чем признать его. Даже теперь я не испытываю уверенности, ибо знаю, насколько искажается восприятие времени, когда ты находишься в столь затруднительном положении. Однако я уверен лишь в том, что в то время еще сохранял логическое сознание и не добавил к и без того жуткой реальной картине призраков, рожденных разгулявшимся воображением и объясняющихся мозговой иллюзией, граничащей с подлинной галлюцинацией.

Однако не это стало причиной моего первого обморока. Жуткое испытание только начиналось, и предчувствие грядущих ужасов становилось все более четким по мере спуска. Невероятно длинную веревку, на которой я висел, разматывали теперь очень быстро, и при движении вниз я жестоко ссаживал кожу об узкие и неровные стены шахты в своем стремлении вниз. Одежда моя порвалась, во многих местах я ощущал кровь на теле, а кроме того, острую и все возрастающую боль. Ноздрям моим докучала тем временем непонятная угроза: ползучий запах, сырой и затхлый, странным образом не похожий на все, которые мне приводилось ощущать прежде, но несущий в себе обертоны специй и благовоний, отдававших явной насмешкой.

И тут произошел умственный катаклизм. Жуткий, ужасный, неопиcуемый, ибо он целиком совершался в душе, не допуская малейших деталей экстаз кошмарного призыва к бесам. Внезапность его была сразу апокалиптической и демонической – только что я несся вниз по узкому каменному жерлу, словно терзавшему меня миллионом зубов, а в следующий миг уже парил на перепончатых крыльях над безднами ада, свободно переносясь сквозь беспредельные мили безграничного и затхлого пространства, взмывая к не знающим измерения башням ледящего эфира, а затем обрушиваясь к вязким топям надиром жадного и тошнотворного нижнего вакуума... Благодарю Бога за

милосердие, с которым Он отослал меня в забвение, избавившее меня от этих фурий сознания, едва не повредивших мой рассудок и подобно гарпиям терзавших мой дух!

Забвение это, при всей его краткости, вернуло мне силы и здравый смысл, позволившие выдержать те еще большие приступы космической паники, уже таившиеся и несшие свою околесицу впереди.

II

После бесовского полета через стигийское пространство сознание возвращалось ко мне очень постепенно. Процесс этот оказался бесконечно болезненным и раскрашенным фантастическими видениями, которым особо способствовало состояние моего тела – связанного и лишенного голоса. Точная натура этих видений была очень очевидной в момент переживания их, однако почти сразу после этого затуманилась в моей памяти, а вскоре от нее вообще осталось только воспоминание цепочки ужасных событий, воображаемых или реальных. Мне казалось, будто я побывал в жуткой огромной лапе; желтой, пятипалой и волосатой, высунувшейся из земли, чтобы захватить и раздавить меня. А когда я остановился, чтобы понять, что представляет собой эта лапа, мне показалось, что это Египет. В забвении я перенесся к событиям предшествовавших недель и увидел, как меня понемногу обольщает тонкими и коварными кознями некий адский упырь, дух древнего египетского колдовства, дух, пребывавший в Египте до появления на земле человека и который останется здесь, когда человека не будет более.

Я увидел весь ужас и нечестивую древность Египта, тот грязный союз, в котором он пребывал всегда с гробницами и храмами мертвых. Я увидел призрачные процессии жрецов с головами быков, соколов, котов и ибисов; беспрепятственно проходящие по подземным лабиринтам и перспективам титанических пропилен, рядом с которыми человек уподобляется мошке; фантомные шествия, возносящие неназываемые приношения неопишущим богам. Каменные колоссы шествовали посреди бесконечной ночи, гоня перед собой стада ухмыляющихся человекофинксов вниз, к берегам беспредельных рек стоячего дегтя. И за всем этим угадывалась несказуемая скверна первобытной некромантии, черной, аморфной, жадно шарящей по тьме за моей спиной в стремлении удушить дух, посмеявшийся подразнить ее подражанием.

В спящем мозгу моем сложилась мелодрама злобной ненависти и погони, и я увидел черную душу Египта, выделившую меня среди прочих и зовущую к себе неслышными шепотами; призывающую и завлекающую меня, проводящую меня по блеску и великолепию сарацинской поверхности, но неизменно увлекающую вниз – в безумной древности катакомбы, к ужасам его мертвого, канувшего в бездну фараонического сердца.

Затем лики видения приняли человеческий облик, и я увидел своего проводника Абдула Реиса в царственном облачении и с насмешкой Сфинкса на лице. Тут я понял, что черты его были чертами самого Великого Хефрена, придавшего лику Сфинкса черты собственного лица и построившего Вторую пирамиду и тот титанический храм с мириадами коридоров, которые археологи якобы выкопали из таинственного песка и неразговорчивой скалы. И я посмотрел на длинную и худую, сухую руку Хефрена; длинную, тонкую и сухую руку диоритовой статуи, которую видел в Каирском музее, –

статуи, которую нашли в том жутком привратном храме, – и удивился тому, что не закричал, увидев ее у Абдула Реиса... Эта рука! Жутко холодная, она давила меня; в ней ощущался холод и тяжесть саркофага, весь холод и утеснение незапамятного Египта... Это был сам ночной, кладбищенский Египет... та желтая лапа... о Хефрене поговаривают такое...

Однако в данном месте я начал пробуждаться – или хотя бы входить в состояние менее сонное, чем то, что предшествовало ему. Я вспомнил поединок наверху пирамиды, коварных бедуинов и их нападение, жуткий спуск на веревке в недра бесконечной скалы и безумное погружение в хладную пустоту, благоухающую ароматичным тленом. Я ощутил, что лежу теперь на сыром каменном дне и что оковы мои, как и прежде, врезаются в мою плоть с неслабеющей силой. Было очень холодно, и я как будто бы почувствовал слабый ток докучливого ветерка, коснувшегося моего тела. Ссадины и ушибы, заработанные во время спуска по неровному жерлу, болели неимоверно, ощущение это усиливалось некоей колкой или жгучей ноткой в слабом сквозняке, и одного стремления просто перекатиться на другой бок было достаточно, чтобы тело мое пронзила невероятная боль.

Поворачиваясь, я ощутил сопротивление сверху и заключил, что веревка, на которой меня спустили вниз, по-прежнему связывает меня с поверхностью. Не знаю, держали ли ее арабы в своих руках или нет; не имею и малейшего представления о том, насколько глубоко в недра земли меня опустили. Я ощущал, что меня окружала полная или почти полная тьма, поскольку повязку на глазах моих не пронзал ни единый лучик лунного света; однако я недостаточно доверял своим чувствам, чтобы без сомнений принять их свидетельство в том, что нахожусь на чрезвычайной глубине, как и в том, что спуск мой имел огромную длительность.

Во всяком случае, зная, что я нахожусь в пространстве, значительно удаленном от отверстия в поверхности земли наверху, я с некоторым сомнением пришел к выводу о том, что тюрьмой моей, должно быть, явился подземный храм старого Хефрена – Храм Сфинкса – или, быть может, какие-то внутренние коридоры его, которые мои проводники не показывали мне во время утреннего посещения и откуда я мог бы отыскать путь к спасению и выбраться на поверхность. Итак, меня ожидало скитание по лабиринту, впрочем, не более сложному, чем те, из которых мне уже случалось находить выход.

Первым делом следовало освободиться от веревок, кляпа и повязки на глазах, что, как я уже знал заранее, не должно было составить для меня особенного труда, поскольку более искусные знатоки, чем эти арабы, успели опробовать на мне всякие путы в течение моей долгой и разнообразной карьеры эскаписта, но так и не смогли преуспеть в опровержении моих методов.

Затем мне пришло в голову, что арабы могли приготовиться к новому нападению возле выхода из подземелья в случае моего вероятного избавления из пут, если его засвидетельствует веревка, которую они, вероятно, не выпускали из рук. Конечно же, при условии, что местом моего заточения и в самом деле был созданный Хефреном Храм Сфинкса. Прямое отверстие в своде пещеры, в каком бы укромном месте оно ни

располагалось, не могло далеко отстоять от современного входа, находящегося вблизи Сфинкса; ни о каких существенных расстояниях не могло быть и речи, поскольку полную поверхность доступного посетителям участка трудно назвать колоссальной. Во время дневной экскурсии я не заметил ничего подобного, однако в сыпучих песках проглядеть такое нетрудно.

Обдумывая эти материи, оставаясь скрюченным и связанным на каменном полу, я почти забыл об ужасном спуске в преисподнюю, который недавно чуть не поверг меня в кому. Я думал только о том, чтобы перехитрить арабов и соответствующим образом освободиться, по возможности быстро, стараясь не потянуть за спущенную сверху веревку, способную засвидетельствовать об успешной или напрасной попытке освобождения.

Однако составить план действий оказалось много легче, чем освободиться. Несколько предварительных попыток показали, что без сильных движений не обойдешься; и после одной особенно энергичной из них я почувствовал, что вокруг меня и на меня начали падать сверху кольца веревки. Очевидным образом я решил, что бедуины заметили мои движения и сбросили вниз свой конец веревки, заторопившись, конечно, к подлинному входу в храм, чтобы залечь возле него с кровожадными намерениями в отношении меня.

Перспектива особой радости не сулила – однако в свое время мне приходилось без трепета встречать и худшие ситуации, и потому я не дрогнул. Сперва следовало выбраться из пут, а затем довериться собственной изобретательности, чтобы невредимым ускользнуть из храма. Забавно, как мне удалось убедить себя в том, что я пребываю в старом храме Хефрена, что находится возле Сфинкса не столь уж глубоко под землей.

Вера в это была разбита обстоятельством, ужас и значительность которого возрастали уже тогда, когда я составлял свой философический план, заново рождая все явные предчувствия противоестественной смерти и демонической тайны. Я уже говорил о том, что падающая веревка громоздилась на мне и вокруг меня. Теперь я увидел, что веревочная груда продолжала расти со скоростью, недоступной любой обыкновенной веревке. Падение ее ускорялось, превращаясь в пеньковую лавину, и скоро я оказался почти погребенным под быстро умножающимися и грудящимися все выше и выше кольцами. Вскоре я уже полностью утопал под ними и только пытался восстановить дыхание под новыми и новыми валяющимися сверху петлями, погребавшими и удушавшими меня.

Тут чувства мои вновь пошатнулись, и я попытался отразить сразу и опасную и неизбежную угрозу. Дело было не просто в том, что меня мучили за пределами всякой человеческой меры, не в том, что из меня медленно выдавливали жизнь и дыхание, но в понимании того, что именно подразумевала эта сверхъестественная длина веревки, в осознании того, какие неведомые и неизмеримые земные бездны в данный момент окружают меня. Итак, мой бесконечный спуск и полет через это гоблинское пространство оказались реальными, и значит, в сей миг я лежал беспомощным в безымянной каверне, в глубинах мира. Столь внезапное подтверждение предельного сего ужаса было непереносимым, и я во второй раз погрузился в милосердное забвение.

Впрочем, забвение это не означало отсутствия сновидений. Напротив, исход мой из мира сознания сопровождался видениями, полными самой несокрушимой жути. Бог мой!.. Если бы только я не был настолько начитан в египтологии, прежде чем прибыть в эту землю, являющуюся источником всякой тьмы и ужаса! Этот второй обморок заново наполнил мое спящее сознание трепетным пониманием этой страны и ее древних секретов, и посредством некоего проклятого обстоятельства видения мои обратились к древним представлениям об усопших и их пребывании в душе и теле за пределами тех таинственных гробниц, которые являются скорее домами, чем могилами. Я вспомнил во всех подробностях видения, которые, к счастью, с тех пор забыл, причудливые особенности гробниц Египта и чрезвычайно тонкие и жуткие учения, определившие их конструкцию.

Все эти люди думали только о смерти и об усопших. Они верили в буквальное воскресение тела, что заставляло их мумифицировать плоть усопших со всей возможной осторожностью и сохранять их жизненно важные органы в кувшинах-канопах, находящихся возле тела, помимо которого, по их мнению, сохранялись два других элемента: душа, которая после взвешивания и одобрения Осирисом обитала в блаженном краю, и таинственный и удивительный жизненный принцип *ка*, жутким образом скитающийся между верхним и нижним мирами, требуя иногда доступа к сохраняемому телу, потребляя жертвенную пищу, приносимую жрецами и благочестивыми родственниками в погребальный храм, а иногда – как шептали люди – овладевая телом покойного или его деревянным двойником, которого всегда хоронили рядом, чтобы зловещим образом скитаться по делам особенно отвратительным.

Тысячи лет тела эти пребывали в великолепном покое своих гробов, обратив незрячий взор к небу, когда их не посещал *ка*, ожидая того дня, когда Осирис заново соединит *ка* и душу и изведет окоченевшие легионы усопших из подземных домов сна. Ожидалось славное возрождение – однако одобрения удостоивались не все души, не оставались в целостности и все гробницы, а посему следовало ожидать неких гротескных ошибок и адских аномалий. Даже в наши дни арабы шепчутся о неосвященных сборищах и святотатственном поклонении, творящихся в забытых потусторонних безднах, которые невозбранно могут посещать только незримые крылатые *ка* и бездушные мумии.

Должно быть, самые зловещие, самые створаживающие кровь легенды связаны с некоторыми извращенными продуктами впадшего в упадок жречества – составными мумиями, произведенными посредством искусственного соединения человеческих тел с головами животных в подобии древних богов. Священных животных мумифицировали на всех стадиях истории, и посему освященные быки, коты, ибисы, крокодилы и подобные им могли возвратиться однажды в великой славе. Но только в период упадка смели жрецы смешивать в одной мумии человеческое и животное – только в период упадка, когда перестали они понимать права и обязанности *ка* и души.

О том, что случилось с этими составными мумиями, не рассказывают – по крайней мере на людях, – и не стоит удивляться тому, что пока ни один египтолог никогда не находил таковых. Впрочем, среди арабов ходят дикие шепотки, которым не следует доверять. Они даже намекают на то, что старый Хефрен – создатель Сфинкса, Второй пирамиды и зияющего подземного храма – живет в недрах земли в браке с

упырькой-царицей Нитокрис и правит мумиями, которые не являются ни людьми, ни животными.

И именно их – Хефрена, его супругу и его странное войско составных мертвецов – видел я в своем видении, и вот почему я рад тому, что точные очертания их исчезли из моей памяти. Но самое жуткое видение было связано с праздным вопросом, который я задал себе вчера, когда рассматривал великую загадку пустыни и гадал, с какими неведомыми глубинами может быть тайно связан соседствующий с ней храм. Этот вопрос тогда, настолько невинный и причудливый, принял в моем видении облик френетического и истерического безумия: *чьим огромным и скверным подобием первоначально являлся Сфинкс?*

Второе мое пробуждение – если только можно назвать его таковым – явило мне картину откровеннейшей жути, с которой мне просто нечего сравнить, за исключением той, другой, увиденной мною позже; а ведь жизнь моя была полна приключений, недоступных большинству мужчин. Вспомните, что я потерял сознание, ощутив себя погребенным под каскадом свалившейся сверху веревки, своим долгим падением открывшей мне катаклизмические глубины моего тогдашнего положения. Однако, когда восприятие вернулось ко мне, я ощутил, что тяжесть исчезла, а перекатившись на бок, оставаясь связанным, с кляпом во рту и повязкой на глазах, понял, что *некая сила полностью удалила почти удушившую меня пеньковую грудь*. Значение этого факта, конечно, дошло до меня лишь постепенно; но даже при этом мне кажется, что я мог бы снова лишиться сознания, если бы к этому времени не достиг такого уровня эмоционального истощения, что новые ужасы стали для меня попросту безразличны. Я оставался в одиночестве... *но перед чем?*

Однако прежде чем мне представилась возможность известить себя новыми размышлениями или приступить к новой попытке избавления от уз, обнаружилось дополнительное обстоятельство. Неизведанная прежде боль сотрясала мои руки и ноги, и я как бы ощутил на себе коросту засохшей крови, которая просто не могла вытечь из всех моих ссадин и ран. Казалось также, что грудь моя пронзена сотней ударов, – как если бы ее клевал злобный титанический ибис. Бесспорно, тот, кто удалил веревку, был враждебно настроен ко мне и, обнаружив сопротивление, начал наводить на меня жуткие мучения. Тем не менее ощущения мои были прямо противоположны тому, что можно было бы ожидать. Вместо того чтобы погрузиться в бездонную яму отчаяния, я был побужден к новой отваге и действию; ибо теперь я ощущал, что злые силы имеют физическую природу, с которой бесстрашный человек может сражаться на равных.

Сила этой мысли заставила меня вновь заняться своими узами и воспользоваться всем искусством высвобождения себя, к которому я так часто прибегал в своей жизни посреди прожекторов и аплодисментов толпы. Знакомые детали процесса освобождения захватили меня, и теперь, когда длинная веревка исчезла, я почти убедил себя в том, что высшие ужасы были галлюцинацией и никогда не было ни этой ужасной шахты, ни неизмеримой пропасти, ни бесконечной веревки. Нахожусь ли я в привратном храме Хефрена, что возле Сфинкса, и не арабы ли похитили меня, чтобы мучить здесь, беспомощного? В любом случае мне следует освободиться. Дай только встать, высвободиться, вынуть кляп и открыть глаза, чтобы уловить хотя бы лучик света от

любого источника, и тогда я испытаю восторг в сражении со злыми и коварными врагами!

Не могу сказать, насколько долго я выпутывался из своих уз. Должно быть я потратил на это много больше времени, чем в своих публичных выступлениях, потому что был изранен, утомлен и до предела взволнован перенесенными переживаниями. Наконец освободившись, вдыхая полной грудью прохладный воздух, сырой и пропахший злыми ароматами, сделавшимися еще более ужасными без повязок на рту и глазах, я обнаружил, что тело мое слишком затекло и утомлено, чтобы можно было немедленно приступить к действиям. Неизвестное для себя время я просто лежал, пытаюсь расправить члены, приспособить свои глаза к поискам лучика света, способного намекнуть мне на истинное положение дел. Сила и гибкость постепенно вернулись к моему телу, однако глаза так ничего и не увидели. Поднявшись на нетвердые ноги, я принялся старательно вглядываться во все стороны, обретая лишь чернильную тьму, ничем не отличающуюся от той, которую наводила повязка. Я переступил ногами, покрытыми засохшей кровью под разодранными брюками, и обнаружил, что способен ходить, и все же никак не мог выбрать направление. Очевидным образом, мне не следовало брести наугад, быть может, удаляясь от искомого выхода; поэтому я помедлил, пытаюсь уловить различия в сыром и прохладном, пропахшем содой дуновении, которое не прекращал ощущать. Посчитав источник этого запаха местом возможного входа в пропасть, я попытался направить стопы к этому ориентиру.

У меня был при себе коробок спичек и даже небольшой электрический фонарик; однако в карманах моей всклокоченной и разодранной одежды давно не осталось никаких тяжелых предметов. Итак я осторожно продвигался во тьме, сквозняк становился все более сильным и неприятным, и наконец я стал воспринимать его просто как струю осязаемых испарений, истекавшую из неведомого отверстия подобно превращающейся в джинна струйке дыма из выловленного рыбаком кувшина в восточной сказке. Восток... Египет... поистине, эта мрачная колыбель цивилизации является источником несказуемых ужасов и чудес!

Чем дальше я размышлял о природе дующего по подземелью ветра, тем более глубоким становилось мое беспокойство; ибо несмотря на этот запах, источник которого я посчитал косвенным указанием на путь к наружному миру, теперь с очевидностью понимал, что эта мерзкая эманация никак не может быть примесью к чистому воздуху ливийской пустыни, но изрыгнута из злобных глубин. Словом я брел в ошибочном направлении!

После недолгого размышления я решил не возвращаться обратно по собственным стопам. Удалившись от сквозняка, я не найду другого ориентира, ибо грубая поверхность скалы под ногами была лишена каких-либо отличительных признаков. Однако если я пойду на странный запах, то, вне сомнения, приду к какому-нибудь отверстию, от врат которого, вероятно, сумею пройти вдоль стены на противоположную сторону этого циклопического и другими способами непреодолимого зала. Я вполне понимал, что могу потерпеть неудачу. Мне было ясно, что я нахожусь не в той части привратного храма Хефрена, которая известна туристам; более того, похоже было, что этот зал не известен даже археологам и о нем знают только захватившие меня любознательные и злые арабы.

В таком случае, существует ли для меня спасительная дверь, выводящая в известные части храма или наружу, на воздух?

Впрочем, какими я располагал свидетельствами того, что нахожусь в привратном храме? На мгновение я припомнил все свои самые буйные фантазии и подумал, что вся эта яркая смесь впечатлений – спуск, ощущение парения в пространстве, веревка, мои раны и видения, откровенно говоря, были грезами. Но неужели моей жизни пришел конец? И если уж его не избежать, окажется ли он милостивым ко мне? Я не мог ответить ни на один из этих вопросов, а посему просто погрузился в размышления, пока судьба в третий раз не повергла меня в забвение.

На сей раз видений не было, ибо внезапный характер случившегося избавил меня от всего сознательного и подсознательного. Оступившись на неожиданно оказавшейся под ногами нисходящей ступеньке – в том самом месте, где дуновение стало достаточно сильным, чтобы оказывать реальное физическое сопротивление, – я покатился вниз по огромной каменной лестнице в водоворот мерзости несказанной.

То, что я сумел снова вздохнуть, объясняется лишь крепостью, присущей здоровому человеческому организму. Часто обращаясь памятью к событиям этой ночи, я ощущаю известную долю юмора в повторных обмороках, последовательность которых в то время напомнила мне не о чем ином, как о примитивных кинематографических мелодрамах той поры. Конечно, вполне возможно, что повторные обмороки просто не существовали; что все подробности этого подземного кошмара посетили меня в порядке видений длинного забвения, начавшегося с шока, вызванного спуском в ту самую бездну, и закончившегося целительным бальзамом свежего воздуха и лучами зари, заставшей меня распростертым на песках Гизе перед сардоническим утренним ликом Великого Сфинкса.

Насколько мне это удастся, я предпочитаю верить в последнее объяснение и потому с радостью узнал, что ограждение храма Хефрена оказалось нарушенным и что в еще не раскопанной части существует значительная расселина. Радовался я и когда врачи заключили, что раны были нанесены мне исключительно при захвате, наложении повязок и кляпа, спуске, высвобождении из пут и падении с небольшой высоты – быть может, в углубление во внутренней галерее храма, – продвижении ползком к внешней ограде и преодолении ее и тому подобное... весьма утешительный диагноз. И тем не менее я знаю, что за ним кроется нечто более глубокое, чем может показаться с поверхности. Тот непомерный спуск слишком памятен мне, чтобы его можно было забыть... кроме того, чрезвычайно странно, что никто так и не сумел отыскать человека, отвечающего описанию внешности моего проводника, Абдула Реиса-эль-Дрогмана, наделенного замогильным голосом, улыбавшегося, как царь Хефрен, и похожего на него внешне.

Но я отклонился от своего связного повествования – быть может, в тщетной надежде избежать рассказа о последнем эпизоде – эпизоде, который почти наверняка является галлюцинацией. Однако я обещал рассказать его, а своих обещаний я не забываю. Придя в чувство после падения с черной каменной лестницы – реального или действительного, – я обнаружил, что нахожусь, как прежде, в одиночестве и в полной тьме. Вонючий

сквозняк, и без того разивший скверной, сделался воистину адским; тем не менее я успел настолько привыкнуть к нему, чтобы переносить стоически. Ошеломленный падением, я пополз прочь от места, откуда исходил мерзкий ветер, кровотокащими руками ощущая под собой колоссальные плиты огромного пола. И только когда голова моя уткнулась в твердый объект, я понял, что это основание колонны – колонны немислимой, невыразимой величины, поверхность которой покрывали вырубленные огромные иероглифы, открытые для моего осязания.

Я пополз дальше, натываясь на другие титанические колонны, отделенные от первой непостижимым для меня расстоянием; когда внимание мое вдруг было захвачено пониманием натиска на слух, который подсознание ощутило раньше, чем слуховые органы.

Из какой-то еще более низкой бездны в недрах земли исходили некие звуки, ритмичные и отчетливые, подобных которым мне слышать никогда не приходилось. Почти интуитивно я осознал их древнюю и церемониальную природу; а начитанность в египтологии заставила меня связать эти звуки с флейтой, самбукой, систром и тимпаном. В их ритмичном писке, жужжании, перестуке и ударах я ощущал прикосновение ужаса, превосходящего все ужасы земли, – ужаса, странным образом не связанного с личным страхом, принимающего форму объективной жалости к нашей планете, вынужденной держать в своих недрах те ужасы, которые способны скрываться за сими эгиптическими какофониями. Громкость звуков возрастала, и я ощутил, что они приближаются. Тут – и пусть все боги всех пантеонов впредь защищают мой слух от подобных звуков – я начал воспринимать негромкий, доносящийся издали жуткий тысячелетний топот приближающихся марширующих тварей.

Жутко было уже то, что столь различные шаги могли двигаться в столь идеальном ритме. Отданные учениям тысячелетия звучали в этом марше чудовищ, населявших самые внутренности земли... топанье, плюханье, цоканье, шаги легкие и тяжкие, величественные и неуклюжие, грохочущие... раздавались под отвратительную дисгармонию насмешливых инструментов. А за нею – Боже, изгони память об этих арабских легендах из моей головы! – лишенные души мумии – место встречи скитающихся ка... орды фараонических, проклятых дьяволом мертвецов, расставшихся с жизнью сорок столетий назад... составные мумии, ведомые сквозь предельную ониксовую пустоту царем Хефреном и его упырькой-царицей Нитокрис.

Топот близился – Небо, избави меня от звука поступи этих ног, копыт, лап, когтей, делавшейся теперь различимой! Вниз с бесконечной, лишенной солнца мостовой в вонючем ветре просияла искорка света, и я скрылся за колоссальной окружностью циклопической колонны, чтобы хоть на мгновение спрятаться от ужаса, который топотом миллионов ног подбирался ко мне по гигантскому гипостилю, полному нечеловеческого страха и болезненной сумасшедшей древности. Мерцания умножались в числе, топот и диссонирующий ритм обрели болезненную громкость. Трепещущий оранжевый свет выхватил из тьмы сцену, полную такого каменного величия, что я охнул от чистейшего изумления, способного одолеть и страх, и отвращение. Надо мною возвышались монолиты колонн, середины которых оставались за пределами человеческого взора, каждая из которых повергла бы в ничтожество Эйфелеву башню...

покрытые иероглифами, выбитыми неведомыми руками в пещере, где память о дневном свете могла сохраниться только в стариннейшей из легенд...

Я не хотел смотреть на марширующих тварей. И потому отвернулся, услышав скрип суставов и едкое дыхание поверх мертвой музыки и топанья мертвяков. По милости Господней они не разговаривали... но Боже! *Эти безумные факелы начали отбрасывать тени на поверхность ошеломляющих колонн. У бегемотов не должно быть человеческих рук, им не положено ходить с факелами... у людей не может быть крокодильих голов...*

Я попробовал отвернуться и от них, но тени, звуки и вонь окружали меня. А потом вспомнил правило, которым пользовался еще в неосознанных детских кошмарах, и начал повторять про себя: «Я во сне! Вокруг меня – сон!» Однако это было бесполезно, и мне оставалось только закрыть глаза и молиться... по крайней мере, мне кажется, что именно так я и поступил, хотя в видениях ни в чем нельзя быть уверенным, а, насколько мне известно, именно таковым и может оказаться все случившееся со мной. Я подумал о том, что едва ли сумею попасть на поверхность земли, и временами чуть приоткрывал глаза, чтобы попробовать различить какую-нибудь черту этого места, помимо пряного тлена и безверхих колонн. Трескучий свет все умножавшихся факелов теперь слепил глаза, и если только адское уголье это не было полностью лишено стен, я не мог не попытаться увидеть какой-нибудь предел или границу ему. Впрочем, мне пришлось снова прикрыть глаза, когда я понял, сколько же тварей собралось... и еще потому, что, приоткрыв их, я увидел некий объект, внушительно и торжественно топающий без всякого торса над поясницей.

Бесовское воющее трупное бульканье или смертный грохот теперь раскалывал саму атмосферу – атмосферу склепа, отравленную запахами нефти и битума – единым согласованным хором мерзкого легиона богохульно искаженных созданий. Глаза мои, извращенно открывшиеся на мгновение, впитывали зрелище, которого не в силах представить себе человек, не испытывая при этом паники, страха и физического изнеможения. Церемонным маршем твари направлялись в одну сторону, следуя направлению докучливого ветра, где свет факелов выхватывал их склоненные головы – точнее склоненные головы таковых, кто имел головы. Так они почитали огромное, извергавшее черное зловоние отверстие, тянувшееся вверх за пределы взгляда и которое, насколько я мог видеть, под прямыми углами окаймляли две гигантские лестницы, концы которых терялись в далеких тенях. С одной из них я вне сомнения и свалился.

Размеры дыры полностью соответствовали высоте колонн – обычный дом полностью потерялся бы в ней, а среднее общественное сооружение можно было бы и внести в нее, и вынести. Поверхность ее казалась настолько огромной, что охватить ее взором было не так-то просто... такой огромной, столь ужасающе черной и так смердящей, невзирая на все благовония. Непосредственно перед этой разверзшейся полифемовой дверью твари бросали наземь какие-то предметы – жертвоприношения, явно носившие религиозный характер, если судить по их жестах. Хефрен находился во главе их; пренебрежительно ухмыляющийся царь Хефрен или проводник мой Абдул Реис, увенчанный золотым пшентом и нараспев твердивший бесконечные формулы гулким замогильным голосом. Возле него преклоняла колена прекрасная царица Нитокрис, обратившаяся ко мне

профилем на мгновение, за которое я успел заметить, что правая половина ее лица объединена крысами или другими упырями. И я вновь зажмурил глаза, когда рассмотрел, что именно представляют собой предметы, предлагаемые в жертву скверной дыре или ее местному божку. Мне пришло в голову, что, учитывая вычурность церемонии, затаившееся божество может обладать существенным значением. Был ли то Осирис, Исида, Гор, или Анубис, или некий еще более высший и могущественный, но неведомый Бог Усопших? Существует легенда о том, что жуткие алтари и страшных колоссов посвящали неведомому Богу еще до того, как начали почитать богов известных.

Теперь, когда я принудил себя наблюдать за глубоким замогильным обрядом почитания, свершавшимся этими безмянными тварями, в голову мою скользнула мысль о спасении. В зале было сумрачно, колонны отягощала тьма. При том, что всякая тварь из этого кошмара пребывала погруженной в мерзкий экстаз, существовала некая возможность того, что я сумею пробраться незамеченным к дальнему концу одной из лестниц и подняться по ней, с тем чтобы судьба и собственное мастерство позаботились обо мне далее. Я не знал, где находился в тот миг, да и не задумывался сколько-нибудь серьезно об этом – и на какое-то мгновение мне показалось забавным то, что я начал всерьез составлять план спасения из того, что могло быть только скверным кошмарным сном. Находился ли я в некоем потайном и никому неведомом нижнем помещении привратного храма Хефрена – храма, который из поколения в поколение именуется храмом Сфинкса? Этого определить я не мог и все же решился вернуться к жизни и сознанию, если разум и мышцы в состоянии помочь мне в этом.

Распростершись на животе, я начал опасный путь к подножию левой лестницы, которая показалась мне наиболее доступной из двух. Не могу описать вам свои тогдашние впечатления и переживания, однако о них несложно догадаться, если заставить себя помыслить о том, за чем именно приходилось мне постоянно следить в злобном, колеблемом ветром свете факелов, стараясь, чтобы меня не заметили. Нижние ступени лестницы, как я уже говорил, тонули в глубокой тени, далее она, не перегибаясь, поднималась к головокружительной, окруженной парапетом площадке над титаническим отверстием. Таким образом, последние стадии моего движения уводили меня на существенное расстояние от шумного стада, хотя само зрелище по-прежнему повергало меня в ужас даже на таком удалении.

Наконец мне удалось подняться по ступеням и приступить к подъему, держась поближе к стене, на которой нетрудно было заметить украшения самого жуткого толка, и оставаясь незамеченным благодаря увлеченному экстатичному вниманию, с которым чудища взирали на дышащее смрадом отверстие и возмутительные предметы, которые они бросали на мощный пол перед нею. Хотя лестница оказалась огромной и крутой, сложенной из порфировых блоков под стать ногам гиганта, подъем показался мне практически бесконечным. Ужас перед перспективой быть замеченным и боль, которую вновь пробудило в моих ранах физическое напряжение, превратили этот подъем ползком в предмет мучительного воспоминания. Достигнув площадки, я намеревался продолжить подъем по любой из ведущих вверх лестниц, которая могла начинаться там, не останавливаясь ни на миг для того, чтобы бросить последний взгляд на трупные мерзости, топавшие и преклонявшие колена в семидесяти или восьмидесяти футах подо мной – однако внезапный взрыв громогласного трупного булькания и хорального

смертного треска, случившийся как раз тогда, когда я достиг вершины полета, и своим церемониальным ритмом указывавший на то, что вызван не тем, что меня заметили, заставил меня остановиться и осторожно выглянуть из-за парапета.

Чудовища приветствовали нечто, высунувшееся из тошнотворного отверстия, чтобы потребить принесенные приношения. Существо это, насколько я мог судить с высоты, оказалось внушительным; желтое и волосатое, оно продвигалось какими-то нервными рывками. Величиной оно было с хорошего гиппопотама, однако имело весьма причудливые очертания. У него как будто бы вообще не было шеи, и пять отдельных косматых голов торчали в рядок из почти цилиндрического тела; первая была совсем невелика, вторая имела размер вполне приличный, третья и четвертая были равными и крупнейшими среди всех, а пятая вновь была невелика, но не настолько как первая.

Из голов этих метнулись вперед странного вида жесткие щупальца, с жадностью схватившие великое количество предложенной этой твари несказуемой пищи, оставленной перед отверстием. Время от времени тварь дергалась вверх или странным образом отступала в свое логово. Движение это казалось настолько необъяснимым, что я смотрел на тварь словно завороченный, внутренне желая, чтобы она побольше выдвинулась из своего расположенного подо мной мерзкого логова.

Тут она и впрямь *высунулась... высунулась*, и вид этот заставил меня обратиться вспять и бежать во тьме вверх по лестнице, оказавшейся за моей спиной; без оглядки бежать по невероятным ступеням, пролетам и пандусам, руководствуясь чем угодно, кроме человеческого зрения или логики, и подтверждение моему бегству следует искать в мире видений. Действительно, все это было всего лишь сном, иначе рассвет не застал бы меня дышащим на песках Гизе перед сардоническим, озаренным лучами зари ликом Великого Сфинкса.

Великий Сфинкс! Боже! – этот праздный вопрос я задавал себе всего лишь благословенным солнцем вчерашним утром... *какую же огромную и мерзкую аномалию изображала первоначально его фигура?*

Будь проклято зрение, в видении или бодрствовании открывшее мне этот высший ужас – неведомого Бога Мертвых, пожирающего свой корм в неведомой бездне, потребляющего эти непотребные куски, приносимые невозможными тварями, не имеющими права существовать. Явившийся из тьмы пятиголовый монстр... пятиголовый монстр величиной с гиппопотама... этот пятиголовый монстр был всего лишь передней лапой...

Но я остался в живых и потому знаю, что это был всего только сон.

Перевод: Юрий Соколов

2012 год